

РАБОЧЕЕ УТРО

*Зарю кузнецы куют.
Звон наковальни.
Весело что-то поют,
значит – нормально!*

*Кукует кукушка в лесу,
росы хрустальны.
Вот к наковальне несут
лемех отвальный.*

*Летят из гнезда огня
птицами звоны
в зелень озона, звеня,
до небосклона.*

*Созрел золотой на корню
колос глагола!
Новому светлому дню
выкован голос!*

** * **

Моему ж.-д. крану КДЭ-163

*Милый друг, однако постарел ты.
Стать не та, подшипники гремят.
Ты скрипишь так жалобно на стрелках –
я тебя заездил, виноват...*

3

*Ты прости, что был к тебе вначале
не совсем внимателен и строг.
Но зато мы столько поднимали,
столько проложили мы дорог.
По ночам с печалью суеверной
твои окна в сны мои глядят.
И троса, натянутые нервы,
на ветру, наверное, болят.
Был наш путь и праведным, и верным...
И клубит воспоминаний дым
над стрелой с табличкою фанерной
со служебным именем твоим.
Вывел в люди ты меня когда-то,
я теперь в дома большие вхож.
Но скажу, что конь мой, конь крылатый,
на тебя по-прежнему похож...*

БАЧАТСКИЙ УГОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

*Над Бачатским разрезом, над лязганьем злым,
над тщетою производственных зданий
всё клубит трудовой героический дым,
словно тёмная память преданий.
Здесь певучих примет не отыщешь следа.
Лишь – знамёна, рекорды, плакаты.
И разбившись о вечные камни труда,
истечёт вечер кровью заката.*

Здесь стрелы экскаваторной мерная пруть,
как державный глагол в директивах.
Здесь уже никогда не научат любить
эту землю в дымящих разрывах...

* * *

У памятника первооткрывателю кузбасских
углей Михайле Волкову, СПТУ, г. Берёзовский

Казалось, он стоял веками
большого зала посреди.
И, как ребёнка, чёрный камень
держал у бронзовой груди.

Перед грядущим, как пред Богом,
предстал, рассеяв мрак и тьму.
Стоял и всматривался строго
в тех, кто входил сейчас к нему.

Перед распахнутою дверью
глядел из бронзы на людей.
Он размышлял: «Кому доверить
бесценный дар земли своей?»

Вручил в уверенные руки,
кивнув на сумрачную даль.
И целый край обрёл на муку,
на славу, гордость и печаль...

В ТЕНИ ВЕЛИЧИЯ ТРУДА...

Непонятно мне всё же: куда мы спешим,
растворяясь в толпе обречённо?
Над чумазой котельной скорбит чёрный дым
оттого, что он – чёрный...

Веют жаром в лицо мне порода и шлак,
слепнут птицы в промышленном зное.
В спину дует тоской безысходной сквозняк
из пустых родников и забоев.

Шорох ржавой травы, в придорожной пыли
вянет горсть одичавшего сада.
И присниться бредёт к Сальвадору Дали
металлический облик распада.

Дактиль схемы служебной души и крови,
под пятой переменного тока,
направляет с любовью миноры свои
к обрамлённым бетоном истокам.

Соком горьким исходит полынь на песке,
даль сгорает пред мысленным взором.
С убыванием речи живой в языке
вымирают леса и озёра.

Зёрна пепла и шлама стекают из рук,
дым вопросом вздымается снова.
И стеноет в душе неприкаянный звук,
как обломок начального Слова...

ПРОТЯЖКА ГАЕК

Вот мы взяли ключи...
Вот мы гаек набрали...
Вот пошли не спеша вдоль пути...
Потому не спешим,
что идём не на праздник,
а крепёжные гайки крутить.

Заскрипели болты,
так протяжно и нудно.
Скрежет их – аж до боли в зубах.
Растянулась на час
по спирали минута.
Греет гайки тугая резьба.

Выпрямляется путь!
Мёртво стяжками схвачен.
Взбухли жилы на мускулах рук.
Но в упругую сталь
до упора накачан
огранённый и яростный звук!

Путь настроен! А нам
от усталости – тесно!
Эх, сейчас бы на сутки привал...
В рельсах зрел до поры,
словно в трубах оркестра,
торжествующей музыки шквал!..

ЖЕСТОКОСТЬ

К нам в конце смены
начальство пришло –
сход по второму отвалу.
Нужны добровольцы
растаскивать шпалы
и выправить путь...

Тяжело
молчала бригада:
кому в огород,
кому на рыбалку,
к теще...
И тот, что был слева,
вдруг вышел вперёд:
маленький,
тихий,
тощий...

И встал бригадир,
и сказал бригадир,
вздыхнув тяжело и с досадой:
«Пошли, мужики.

Что он сможет один.
Поможет начальству
как надо...»
И взглядом тяжёлым качнул смельчака,
и дерзость
внезапно пропала.

Взяли инструмент.
И до самого тупика
гремели под обувь шпалы...
Страшно только начать,
а потом – ничего!
Мы втянулись,
и кровь взыграла.
Но тому,
кто стал первым,
было всё ж нелегко
клещами
выдёргивать шпалы.
Он уже изнемог
и надсадно дышал,
но бросался на шпалы смело!

В хлипком теле его
клокотала душа,
что дрожало струной
его тело!
Нам бы передохнуть,
хоть бы по одному,
но у нас с дисциплиной – строго!
Мы жестоким усердием
мстили ему,
чтоб не брал на себя
слишком много.
Лишь когда он упал
и подняться не смог,
истекающий взмыленным потом,
Старший клещи забрал,
усадил на песок,
дал воды
и включился в работу...
Мы исправили путь!
Вновь пошли поезда.
Он остался один за горюю.
И, наверное, плакал
герой от стыда,
не сумевший остаться
героем...

